

Попов В.А.

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СВЕТЕ РАЗНОГО ВОСПРИЯТИЯ ИСТОРИИ И ПРОГРЕССА

Попов, Вадим Алексеевич—председатель Совета Марийского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Россия, Йошкар-Ола, popov_vadim65@mail.ru.

Статья посвящена отношению разных типов обществ к культурному, в частности, архитектурному наследию. По мнению автора, отличия зависят от того, как различные общества воспринимают историю и прогресс. С этой целью автор использует деление обществ на «холодные» и «горячие», предложенное К. Леви-Строссом вместо распространенного, но, возможно, не совсем корректного, деления на «первобытные» и «современные» общества. Адаптируя данное положение к рассматриваемой теме, автор пытается распространить его на отдельные социальные группы внутри «горячих» обществ, обнаруживающие некоторые признаки «холодных» обществ. Ключевым в статье является положение, согласно которому архитектурная старина России в Средневековье не нуждалась в особом статусе и специальном институте охраны, т.к. органично развивалась вместе с остальной средой благодаря работе традиций. Радикальные смены стилей, характерные для европейского (а с некоторого времени и российского) искусства, отвечают требованиям прогресса, но лишают устойчивости старые традиции. Там, где архитектура развивалась вне смены стилей, сохраняя верность традициям, наследие продолжало воспроизводиться в новом строительстве. В настоящее время неподдельный интерес к наследию сохраняется только внутри отдельных субкультур, например, в среде старообрядчества.

Ключевые слова: культурное наследие, «холодное» общество, «горячее» общество, традиция, старообрядцы, Русский Север.

ARCHITECTURAL HERITAGE IN THE LIGHT OF DIFFERENT PERCEPTIONS OF HISTORY AND PROGRESS

Popov, Vadim Alekseevich—Chairman of the Council of the Mari regional branch of The All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, Russian Federation, Yoshkar-Ola, popov_vadim65@mail.ru.

The article is dedicated to the attitude of different types of societies to architectural heritage. According to the author, the differences depend on how different societies perceive history and progress. To this end, the author uses the division of societies into “cold” and “hot”, proposed by C. Levi-Strauss instead of the common division into “primitive” and “modern” societies. By adapting this provision to the topic under consideration, the author tries to extend it to separate social groups within “hot” societies, which reveal some signs of “cold” societies. The key point in the article is that according to which the architectural antiquity of Russia in the Middle Ages did not need a special status and a special institute of protection, since it organically developed along with the rest of the environment thanks to the work of traditions. The radical changes of styles, characteristic of European art (and from some time Russian art),

meet the requirements of progress, but they do not sustain the old traditions. Where architecture evolved without changing styles, while remaining faithful to the traditions, the heritage reproduced in new construction. Currently, genuine interest in heritage is preserved only within individual subcultures, for example, among the Old Believers.

Key words: cultural heritage, “cold” society, “hot” society, tradition, Old Believers, Russian North.

В предлагаемой статье мы хотели бы продолжить разговор о противоречиях в области охраны культурного наследия, начатый в одном из предыдущих выпусков журнала «Музей—Памятник—Наследие» (№ 1(3) / 2018). Тема эта неизбежно затрагивает более широкую проблематику—вопрос об отношении общества к памятникам прошлого. По большому счету, этот вопрос адресован к области экологии (в подобных случаях обычно пользуются понятием «экология души»). Он не только юридический и искусствоведческий (с каких позиций его часто подают), но и нравственный. Здесь, наряду с научным взглядом будет уместным привлечь народную мудрость, согласно которой «чисто не там, где часто убираются, а там, где не мусорят». По аналогии с этим мы можем сказать: благополучно обстоят дела с наследием не там, где активнее за него борются, а там, где нет поводов для покушения на него. В этом, в общем-то, банальном высказывании заключен простой ответ на вопрос, как избежать искусственных (апостериорно—не для всех легитимных) мер по спасению культурного наследия.

Но за кажущейся простотой стоят сложные механизмы общественного устройства. Позволим еще одну аналогию. Потребность в институте охраны природы возникла не в обществе, «растворенном» в природе, а в обществе, противопоставившем себя природе, обществе, выдвинувшем лозунг: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее—наша задача». Где-то есть (и в наше время) такие общества, где вопрос охраны природы даже не ставится на повестку. Мы можем предположить, что, если есть такие общества, то они, скорее всего, не разграничивают понятия природного и культурного наследий, относя и то, и другое к комплексному понятию «среда обитания». Следовательно, они не нуждаются и в охране культурного наследия.

Как и природное, культурное наследие мы вынуждены отнести к невозобновляемым ресурсам. Хотя каждая эпоха дополняет этот ресурс, наиболее старые его пласты уходят безвозвратно. Следует учесть и то, что принятая система охраны культурных ценностей секуляризирует доставшийся багаж древностей до отдельных памятников или, в лучшем случае, до отдельных комплексов. При отсутствии у населения преемственной культуры уважения к прошлому предписания органов охраны будут исполняться буквально: объекты, объявленные «непамятниками», будут уничтожаться и переделываться без сожаления. Таким образом, в самых благополучных вариантах остаются только *фрагменты* среды, а не вся историческая среда—то есть ресурс старины сокращается в больших масштабах, чем тех, которыми можно было бы разумно ограничиться.

Наше цивилизованное общество сначала противопоставило себя природе, а после пытается искать с ней компромисс. Аналогично этому оно противопоставило себя и культурному наследию и теперь вынуждено искать компромисс с ним. В чем же состоит противопоставление наследию? Если говорить об архитектуре, то мы имеем дело с таким явлением, как периодические стилевые обновления. В свое время Европа стала единственным континентом, где радикальные смены архитектурных стилей, в значительной степени изменявшие предметно-пространственную среду, создали почву для

ностальгии по утраченному. Дело даже не в том, что возникала угроза физического уничтожения объектов-носителей устаревших стилей. Для европейского искусства характерны принципиально разные программные установки стилей и отсутствие преемственности при переходе от одного стиля к другому.

Здесь мы пользуемся укрупненным подходом к рассмотрению стилей, предусматривающим объединение нескольких стилей с общим генезисом в течения: например, единое течение романики и готики, далее — течение «ренессанс — барокко — классицизм». История смены течений представляется как чередование тенденций интернационализации (можно применить к этому и современный термин «глобализация») и региональной индивидуализации архитектурных стилей. Основой для интернациональных стилей долгое время служила греко-римская архитектура, в XX в. эту роль взял на себя функционализм, иногда так и называемый интернациональным стилем. Противовесом этой тенденции выступали национальные стили, интерес к возрождению которых выливался в направлениях романтизма и эклектизма, различных «нео» и «псевдо»-стилях.

Характерно, что появление нового стиля (течения) сопровождалось *отрицанием* старого, не оставлявшим шансов для идейной реабилитации последнего. Такое положение не поддерживало прежние традиции, их приходилось формировать заново. В случае же отсутствия резких стилевых обновлений, а, следовательно, «при непрерывности традиции, обеспечивающей целенаправленное совершенствование средств выразительности, любая конкретная вещь становилась результатом труда многих поколений»¹. Это служило определенной гарантией защиты успешных наработок прошлого.

В качестве примера модели, обеспечивавшей постоянное совершенствование изначально выбранных типов, можно привести деревянное зодчество допетровской Руси, которое в современной терминологии принято называть древнерусским. Непрерывность традиций, к тому же усиленная многовековой работой с одним и тем же материалом — древесиной, — способствовала созданию и поддержанию универсальной предметной среды, демократической по сути и устойчиво развивавшейся в пространстве и во времени. Такая картина позволила американскому ученому Ричарду Хелли назвать средневековую Россию «обществом равных возможностей»².

«Обществами равных возможностей» в широком плане являются и так называемые «примитивные» или «первобытные» общества, которые в свое время получили такие названия благодаря убеждению, что они находятся на более низких уровнях развития, чем наша техногенная цивилизация. Однако реальная картина не столь проста. Попытки искусственно ускорить преодоление «отставания» наталкивались на несоответствия систем ценностей, прокламируемых разными цивилизационными моделями. Оказалось, что «примитивные» общества не стремятся к тем же целям, что мы, а остаются верными своему мировоззрению.

Вместо сомнительного деления на «развитые» и «отсталые» общества К. Леви-Стросс предложил разделение обществ на «холодные» и «горячие». В качестве аналогий им взяты технические системы. Он отмечает: «Общества немного похожи на машины, и мы знаем, что есть два типа машин: механические машины и термодинамические машины. Первые — те, которые используют энергию, которая была первоначально предоставлена им, и если они были очень хорошо сложены, <...> могут функционировать теоретически неопределенно долго с начальной энергией <...>. В то время как термодинамические

¹ Эстетические ценности предметно-пространственной среды. М., 1990. С. 285.

² Хелли Р. Стоимость строительных материалов в Московском государстве XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 237.

машины, такие как паровой двигатель, работают на разнице температур между их частями, <...> они производят много работы, намного больше, чем другие, но потребляя свою энергию и разрушая ее постепенно»³. «Холодные» общества — это, если оперировать понятиями физики, — общества с чрезвычайно низкой энтропией; они отдают приоритет поддержанию минимума гармонии, если не равенства между всеми членами группы, даже ценой большого технического дефицита. «Горячие» общества, по К. Леви-Строссу, «используют для своего функционирования разность потенциалов, которая реализуется различными формами социальной иерархии <...>. Таким обществам удалось достичь внутри себя дисбаланса, который они используют, чтобы в то же время создать гораздо больший порядок, <...> а также гораздо больше беспорядка, гораздо больше энтропии — даже на уровне общения между людьми»⁴.

Ключевым моментом в отличиях между «холодными» и «горячими» обществами становится отношение их к истории и прогрессу, что уже подводит нас к теме культурного наследия. Бесполезно доказывать, пишет К. Леви-Стросс, «что всякое общество находится в истории и что оно изменяется: это очевидно. <...> Человеческие общества реагируют весьма различным образом на это общее состояние: некоторые волей-неволей его принимают и, благодаря осознанию, что принимают, преувеличивают его значение (для себя и для других обществ) в огромной степени; другие (называемые нами по этой причине первобытными) желают его игнорировать и пытаются <...> сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими “первичными” относительно своего развития»⁵. Для этого, в частности, необходимо, чтобы «цепочки неповторяющихся событий и действия от них аккумулировались <...> и тотчас разрывались бы, как только образуются, или чтобы общество располагало действенной процедурой для предупреждения их образования. Эта процедура известна, она состоит не в отрицании исторического становления, а в признании его в качестве формы без содержания: действительно, имеется до и после, но их единственное значение заключается в том, чтобы отражаться друг в друге»⁶.

Аналогия с машинами выглядит привлекательно, но требует некоторых уточнений. И механическая, и термодинамическая машины нуждаются в настройке. Особенно это требование актуально для механической машины, которая призвана (цитируем К. Леви-Стросса) «функционировать теоретически неопределенно долго». «Холодному» обществу необходимо задать определенные функциональные параметры, которые оно сочтет оптимальными и будет стремиться их поддерживать. Общество либо само опытным путем приходит к этим параметрам, либо принимает их от какого-либо авторитетного источника в готовом виде. Трансляторами готовых моделей выступают те, кто апробировал соответствующий «продукт» — предки в диахронном варианте или же современники — в синхронном. В случае передачи опыта предками начало его обычно теряется в глубине веков, а механизм его формирования уже не может быть адекватно объяснен. Поэтому принимаемая к действию модель приобретает метафизический характер и не подвергается какому-либо обсуждению. Программные положения этой модели получают статус *канона*, а за соблюдение канона отвечает *традиция*, которая, по характеристике В.И. Белова, подстраховывает, служит допуссаемым пределом, «ниже которого, не нарушив ее, не опустишься»⁷.

³ Charbonnier G. Entretiens avec Claude Lévi-Strauss. Paris, 1961. P. 33–34.

⁴ Ibid.

⁵ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 298.

⁶ Там же.

⁷ Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. М., 1982. С. 172.

Сама по себе культура достаточно инертна, она не теряет этого свойства и в прогрессирующей системе: при любых новациях сохраняется «тенденция к сохранению в новом элементов знакомого, обеспечивающих непрерывность культуры»⁸. Технический прогресс время от времени вынуждает общество к пересмотру культурных ценностей, но традиции препятствуют этому намерению. Изменить ситуацию позволяет смена стиля. Стиль выступает инструментом прогресса и является продуктом исторического становления, если мы подразумеваем под этим термином «стиль эпохи», конкретизированный во времени и географически универсальный (интернациональный). Но тогда стиль должен быть новым, по возможности бескомпромиссным, иначе традиции утянут культуру к прежнему состоянию. Очередная смена стиля предусматривает определенную ломку прежних позиций, что освобождает путь прогрессу, прежде всего, в умы людей.

Было бы, пожалуй, слишком упрощенным связывать смены стилей только с развитием технического прогресса. Но при общем взгляде на проблему мы не можем не согласиться с мнением Дж. Фрэзера, что «интеллектуальный прогресс, который выражается в развитии науки и искусства <...>, неотделим от промышленного и экономического прогресса»⁹. Если вспомнить характеристику, данную К. Леви-Строссом «горячим» обществам, то можно признать за ними неизбежность самой процедуры стилевых изменений, сопутствующих процессу увеличения необходимой обществу энтропии.

Естественность связи между развитием «горячего» общества и сменой стилей в искусстве наиболее заметно обнаруживается при попытках формализовать это отношение. На фоне мировых стилизаций показателен российский сценарий архитектурного развития в XX в., иллюстрирующий несоответствие друг другу выбранной социальной модели и сохранения привязанности к прогрессу. В результате нацеленность на прогресс, выраженная в программных положениях конструктивизма, пришла в противоречие с установкой власти на формирование «холодного», по сути, общества (цель — достижение всеобщего равенства). Поэтому выглядит логичным выбор властью консервативного стиля (который обычно называют «сталинским ампиром») для поддержания новой идеологии. Объяснением, почему этот выбор был сделан не в пользу, например, древнерусской архитектуры, служат глобалистские намерения Советской власти, претендовавшей распространить новую социальную модель на весь мир, для чего узорегиональный стиль не мог служить художественным языком, понятным другим народам.

В дальнейшем выбранный Россией путь только усугублял свое несоответствие естественному ходу общественного развития, а смены стилей в отечественном искусстве внешне подкрепляли эту тенденцию. Отказавшись от инструментов, используемых прогрессом (конкуренция, накопление личного богатства и др.), СССР, в то же время, не хотел отказываться от прогресса (а, следовательно, и от своей принадлежности к «горячим» обществам). При изменившихся послевоенных обстоятельствах страна была вынуждена вернуться к архитектурному стилю, от которого в свое время отказалась, но который продолжал органично развиваться в остальном мире¹⁰.

Но и в дальнейшем стили в отечественной архитектуре сохраняли свою связь более с политической ситуацией, нежели с естественными потребностями общества. С началом

⁸ Эстетические ценности предметно-пространственной среды. С. 288.

⁹ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 68.

¹⁰ Характерно, что в соседней Чехословакии во второй половине 1940-х гг. — когда она уже «присягнула» социалистическому строю — строили здания в функционалистском духе, но не в стиле «освоения классического наследия».

«Перестройки» 1980-х гг. отказ от функционализма приобрел во многом демонстративный характер, и до сих пор еще здания «брежневского» стиля, даже наделенные несомненными достоинствами, продолжают сноситься и перестраиваться без каких-либо действительно убедительных причин.

Все это, на наш взгляд, служит иллюстрацией того положения, что в обществе, прибегающем к отрицанию старого при каждой смене стиля, нет стойкого основания для сохранения и поддержания традиций и, как следствие, — нет особого интереса к своему наследию. Но сказанное в глобальном плане может быть отнесено только к относительно однородному обществу. Разнообразие стилей в современных цивилизованных странах подтверждает наличие там разнообразных социальных групп, ищущих выражения своих взглядов в формировании специфических субкультур. Отсюда же происходят разное отношение к традициям и разная степень востребованности культурного наследия. Такой была и многословная Россия дореволюционных времен, с разными субкультурами, ключевыми среди которых выступали крестьянская и дворянская¹¹. В настоящее время наблюдается также формирование разных субкультур вследствие выделения в обществе разных социальных групп.

В условиях заметных социальных различий внутри современного общества традиции прошлого могут не прерываться или же возрождаться в своей прежней сущности, если они отвечают запросам какого-либо конкретного социального слоя. Когда мы просматриваем отечественную или всемирную историю, то находим в ней культурные достижения, зафиксированные в определенные моменты отдельными социальными группами как оптимальные и сохраняемые ими же в достаточной степени неизменными до сегодняшнего дня.

Основной сферой, в которой формируются эти культурные установки, являются, на наш взгляд, *верования* народов и социальных групп. Верования — это именно то, что наиболее сильно укореняется в сознании народа и наиболее крепко удерживает связанные с ним культурные наработки. Так, русская культура в течение долгого времени сохраняла верность православной традиции, начало которой восходило к византийской культуре. Отвечавшие первоначальным образцам отдельные составляющие культуры брались на вооружение в качестве готовой формы для дальнейшего использования. Например, созданная святыми Кириллом и Мефодием в IX в. славянская письменность стала исходным пунктом для церковнославянского языка, «который уже более тысячи лет используется <...> при молитвенном общении с Создателем, во всей его полноте»¹². Аналогично этому шло следование определенному типу каменного храма, заимствованному из Византии.

В традиционном обществе попытки изменений каких-либо внешних форм, в которые облекается укоренившееся верование, естественным образом приобретают драматический (а в некоторых случаях и трагический) характер и воспринимаются наиболее ортодоксальной частью населения как попытки модернизации — даже несмотря на то, что эти попытки могут быть заявлены как восстановление изначальных установок. При ощущении внешнего расшатывания традиционных нравственных устоев становится естественным движение на укрепление прежде завоеванных позиций с помощью культурных наработок: форма используется для закрепления содержания.

¹¹ Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. СПб., 2003. С. 327.

¹² Изотов А.И. Церковнославянский язык: Грамматика, упражнения, тексты: Учебное пособие. М., 2014. С. 20.

В этой связи показательна приведшая к возникновению старообрядчества реакция части русского народа на церковную реформу патриарха Никона. Неприятие реформы заставляло старообрядцев зафиксировать в качестве исходных для дальнейшей жизнедеятельности не только характер церковной жизни, но и в целом уровень культуры, отвечавший, по их убеждению, вере предков. Реформа создала своего рода прецедент модернизации, за которым последовали изменения более радикального плана, насаждавшиеся сверху (при Петре I), что побудило приверженцев старой веры выделиться в изолированную социальную группу. Как отмечают современные авторы: «А уже к концу XVIII века у старообрядцев формируются (частично унаследованные от прошлого) обычаи, обряды, тип одежды, резко отличавшиеся от всего того, что стало к тому времени общепринятым и распространенным»¹³. Отныне следование старым порядкам приобрело отчасти демонстративный характер, хотя это и не ставилось самоцелью: «И когда Екатерина II прекратила наконец репрессии против старообрядцев, это не привело их к слиянию с основной массой русского этноса»¹⁴.

Восстановление старообрядческого субэтноса в постсоветской России не дало повода для «расслабления»: староверы, хоть и более не гонимые, столкнулись с искушениями нового характера, грозящими серьезным наступлением на веру и культуру в условиях отделенности Церкви от государства и равноправия любых религий. В таких «неуютных» обстоятельствах сохранение даже внешней атрибутики становится важным показателем их выбора, подчеркивающим позицию старообрядчества в современном обществе. Характерно, что приверженность традициям, любовь и уважение к истории остаются приоритетными чертами старообрядцев в их отношениях с обществом в любые эпохи. «В одном пункте позиции старообрядцев бесспорно сильнее, — пишет А.К. Чекалов, — они умеют и любят хранить старину»¹⁵.

Одним из знаковых примеров, подтверждающих данный тезис, является образование в трудном 1919 г. Городецкой ученой архивной комиссии (ГУАК) — единственного в то время учреждения такого рода в уездах Нижегородской губернии. Крупнейший центр старообрядчества на Нижегородчине — Городец — заслуженно имел репутацию хранилища предметов русской старины: долгие годы здесь аккумулировались уникальные коллекции икон, рукописных и старопечатных книг. Целью своей работы ГУАК ставила охрану и научную разработку местных архивов, охрану древних документов и различных памятников старины, изучение истории Городца и местного края. Указывалось, что комиссия «следит за <...> памятниками старины, как то: старинными зданиями, кладбищами, курганами, укреплениями <...>, отнюдь не допуская ни уничтожения, ни изменения (перестройки) их без ведома и разрешения комиссии»¹⁶.

В наше время встречаются примеры сохранения заповедной крестьянской застройки в живущих полноценной жизнью старообрядческих селах и деревнях, причем этим сохранением заняты сами и по своей инициативе местные жители — скажем, в деревне Лампово Ленинградской области или селе Большой Куналей в Бурятии, получившем в 2018 г. статус самой красивой деревни России.

Надо отметить, что в историческом разрезе, по мере приближения к нашему времени, характерно неуклонное расширение зоны действия прогресса и, соответственно,

¹³ Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. С. 164.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Чекалов А.К. По реке Кокшеньге. М., 1973. С. 31.

¹⁶ Из архива Городецкого краеведческого музея // Городецкие чтения: материалы науч. конф. Городец, 1995. С. 8 (указано нам А.В. Лисицыной, Нижний Новгород).

сокращение «реликтовых островов», сохраняющих исходные состояния своей культуры. Те же старообрядцы не ставили целью создание специфической культуры, которая отличала бы их от других социальных групп — они поддерживали традиции, шедшие от предков. Но сохранявшаяся ими культура стала специфической в результате следования за прогрессом культуры остальной части этноса. От «общества равных возможностей» Россия еще до эпохи Петра стала переходить к расхождению путей культурного развития отдельных социальных групп. Таким образом, постепенно накапливались и набирали силу социальные различия, которые, по К. Леви-Строссу, и являются «разностью потенциалов», движущей «горячим» обществом.

Но, если мы говорим преимущественно о «горячих» обществах, которые внутри себя часто бывают разнородны, то будет предпочтительнее перенести предложенное К. Леви-Строссом деление на разные *средовые структуры*. Учитывая условность любого искусственного деления, мы все же, с известной долей допущения, назовем «горячей» столицу, а «холодной» — провинцию (применительно к российскому обществу). Приведение их ко взаимной оппозиции наглядно выразилось в архитектуре XVIII в., когда «не только арсенал художественных форм, но и самый метод творчества столичного архитектора и провинциального мастера имели между собой мало общего»¹⁷. В свою очередь, провинция внутри себя структурно тоже не однородна — в ней есть оппозиция города и деревни. Вырисовывается определенная схема: инициатором очередных стилевых изменений выступает столица (с поддерживающими ее пригородами), ей стремятся подражать другие города, проводящие столичную линию с большей или меньшей долей компромисса (в зависимости от степени их близости к деревенской культуре), а деревня может позволить себе — в самом консервативном варианте — и внестилевую путь развития архитектуры.

«Консервативный вариант» подразумевает нереформированную деревню, самостоятельно формирующую свою застройку. Такую деревню мы уже не встретим в наше время. Еще в XVIII в. «центрическая планировка сел, сгруппированных вокруг обширного пространства, служившего символом единства сельской общины, заменялась безликой организацией застройки вдоль дорог. Вместе с подавлением остатков социальной структуры, вокруг которой могло происходить сплочение крестьян, уничтожались и следы этой структуры в пространственной организации селений»¹⁸. Тем более радикальные изменения проходили в русской деревне в XX в., начиная с эпохи коллективизации. В наше время набирает силу превращение традиционной деревенской структуры в дачно-фермерскую, что вообще грозит исчезновением крестьянства как класса, а вместе с ним — и крестьянской культуры.

Поэтому для поиска специфических условий, обеспечивавших поддержание деревенской культуры на уровне «холодного» общества, мы будем ориентироваться на русскую деревню как минимум полуторавековой давности. Внестилевой характер развития ее архитектуры, на наш взгляд, основывался на *однородности и способности к саморегулированию* деревни как градостроительной структуры. Деревня всегда поддерживала себя в некоем оптимальном состоянии — при условии, как уже отмечено, невмешательства в естественный процесс ее существования.

В отличие от города, который может испытывать как безудержный рост, так и стремительное сокращение, деревня ограничивает себя и в росте территории, и в росте населения. Структурной единицей (ячейкой) ее является крестьянская усадьба, однородность которой

¹⁷ Подъяпольский С.С. По Сухоне и Северной Двине. М., 1968. С. 10–11.

¹⁸ Памятники архитектуры в структуре городов СССР. М., 1978. С. 18.

подтверждается проведением в одном комплексе помещений активной и пассивной фаз жизни. Рост ячейки ограничен не столько количеством и площадью помещений усадьбы, сколько величиной земельного надела: при увеличении семьи можно построить новый дом (или достроить старый), количество же земли остается неизменным. При достижении предельного количества членов крестьянской семьи некоторые из них покидают родной дом и на свободных землях начинают новую жизнь — основывают починок, который со временем также становится деревней. Таким образом, деревня является совокупностью примерно одинаковых ячеек, количество которых не растет выше определенного предела. Размеры самих ячеек также ограничены в росте.

Самоограничение деревни сказывается и на поддержании ее постоянного внешнего вида, меняющегося только в негласно установленных границах. Какое-либо соревнование между соседями в величине и красоте построек не становится самоцелью, т.к. не дает никаких преимуществ: внутренний «рейтинг» того или иного хозяйства зависит от других факторов. В то же время подсмотренные где-то на стороне или придуманные самими крестьянами новые строительные или художественные приемы свободно дублируются, творчески перерабатываются в пределах одной деревни.

Безусловно, в деревне всегда существовало имущественное неравенство, которое отражалось и на архитектуре строений. Но это не приводило к нарушениям масштабных характеристик и стилевому разногласию застройки. В традиционной русской деревне архитектурное саморегулирование обуславливалось рядом причин.

Во-первых, деревянное жилище предпочиталось каменному (вплоть до XX в.). Даже если возводился каменный первый этаж для хозяйственных целей, его размеры регламентировались размерами второго деревянного этажа, где ограничительной мерой была длина бревна — как правило, не более трех сажен. Это приводило к вынужденной компактности строений. При желании увеличения жилой площади новые объемы пристраивали в глубину участка, что не позволяло комплексу построек заметно выделяться со стороны улицы. Во-вторых, функциональная неразделенность усадьбы. Жилые и хозяйственные строения объединялись в единый комплекс. В деревне не практиковалось строительство, как в городе, домов для продажи или сдачи внаем, т.е. не было отчуждения архитектуры от собственника, не было стимула повышать архитектурную привлекательность построек для извлечения прибыли. Каждый хозяин был заинтересован, прежде всего, в рациональном внутреннем и внешнем устройстве усадьбы и использовал для этого отработанные общей практикой архитектурные приемы. В-третьих, единый образ жизни, единая профессиональная направленность большинства жителей деревни. Чем меньше было имущественного расслоения, тем более деревенской застройке была присуща архитектурная целостность. Из этого, очень важного, социального фактора вытекают такие характеристики, как «прозрачность» жизни и быта крестьян внутри поселения, взаимопомощь, поддержание сложившихся традиций, уважение к принятым негласно нормам и правилам, беспрепятственное распространение в пределах населенного пункта удачных строительных наработок и художественных приемов оформления (при индивидуальной их трактовке).

Важнейшее качество застройки деревни — латентный характер ее обновляемости. Применение лесоматериала, в силу его тектонических особенностей, делает возможным сборно-разборный характер срубов. Обновление начинается с замены отдельных элементов конструкции (самцовых бревен) без нарушения целостности постройки, чего нельзя представить для каменных строений. Любой живший в деревне человек в течение своей

жизни был свидетелем или участником этого перманентного процесса. Поэтому, когда не ставится задача *полного* обновления здания, не ставится и задача радикального пересмотра эстетических ценностей, воплощенных в этом здании. Новые технические и художественные решения, заимствованные извне или рожденные в самой деревне, входили в архитектуру так же деликатно, как новые бревна укладывались в сруб взамен ослабленных.

В результате стабильного, но не бросающегося в глаза процесса обновления застройки у жителей не могли появиться страх утраты привычных характеристик среды и вытекающее из него подсознательное стремление сохранить уходящее. Таким образом, вопрос искусственного сохранения средовой атрибутики в сельской местности, в отличие от города, был попросту неуместен. Возможно, эта среда в процессе постоянного обновления никогда не доходила до некоего порогового уровня, до которого человеческая психика «пропускает» изменения, но за которым возникает потребность в противодействии обновлению.

Наиболее благоприятной почвой для сохранения и поддержания характеристик среды, способствующих устойчивому существованию культурного наследия, представляется *северная деревня*. Многие ученые выделяют ее как особый феномен в русской культуре. Выше мы говорили об определенных состояниях культуры, признаваемых легитимными и потому поддерживаемых отдельными социальными группами. На Севере такой группой стало сословие государственных крестьян, которое «оказалось в более благоприятных условиях, чем земледельцы других областей России» (А.К. Чекалов)¹⁹, т.к. они не знали крепостного права. А.К. Чекалов указывает также на «доживание своего рода остатков патриархального, натурального хозяйства, когда еще нет подчинения всего производства одной цели — увеличению товара, но сохраняется известная универсализация», благодаря чему народное искусство на Севере «обладает большой внутренней однородностью и цельностью»²⁰.

Как отмечают исследователи, архаика Русского Севера вторично и зафиксировала традиции, сформировавшиеся в русской культуре XIV–XV вв.²¹ Но эти традиции сохраняли многие архетипы, присущие еще самым глубинным слоям русской культуры, поэтому на примере народного искусства Севера мы можем наблюдать черты, роднящие его с искусством первобытных («холодных» — как мы условились выше) обществ. Это особенно заметно по тому, как северное искусство обращается с понятиями пространства и времени. Вот некоторые выводы, сделанные тем же А.К. Чекаловым: «В народном искусстве воплощено коллективное хоровое начало, связанное с идеей рода, а не личности»²²; «Пространство и время предстают в сложном, двойственном существовании. Все измерено масштабом дали, погружено в пейзажную среду, но эта среда никогда не осознается как реальный фактор»²³; «Как в устной народной поэзии, так и в пластике пространство дается условно, вне начальной точки отсчета, без ориентации, направления и сопоставления»²⁴; «В традиционной народной пластике <...> нет представления о прошлом, настоящем, будущем»²⁵.

¹⁹ Чекалов А.К. По реке Кокшеньге. С. 26.

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ Пермиловская А.Б. Русский Север в пространстве культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 3. С. 121–124.

²² Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974. С. 150.

²³ Там же. С. 151.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Весьма специфично отношение северных крестьян к городской культуре. Только на Севере из всего списка местных городов собственно «городом» называли один Архангельск, который воспринимался «как уникальный и единственный Город на всем белом свете»²⁶. В народном сознании «настоящий» город должен быть предельно удаленным» и «находиться не только за тридевять земель, но и за тридевять морей. Отсюда его чужеземный образ, придававший всему городскому черты чужеродности, инаковости»²⁷. Из определений, дававшихся Архангельску (типа «полунемецкий»²⁸) вполне вырисовывается образ города как проводника внешних влияний, которые, впрочем, сильно изменяются, расходясь по огромным пространствам Севера.

Как уже отмечалось выше, социальные группы, стремящиеся сохранить свое наследие, фиксируют в формах искусства определенный уровень культуры, присущий изначально всему обществу, но от которого в ходе исторического развития общество затем отходит. И, если мотивы выбора старообрядцами определенной культурной модели достаточно прозрачны, то каковы же причины упорного следования северян культуре, характерной для русского общества времен колонизации этих земель?

Рассматриваемая культура формировалась на окраинных рубежах Российского государства, в экстремальных географических и климатических условиях. По наблюдению А.Б. Пермиловской: «В подобной “пороговой” ситуации культура мобилизует все свои внутренние ресурсы. В ней включаются механизмы самосохранения, связанные с обеспечением ее целостности. <...> Культура обращается к своим исходным основаниям, возрастает роль ее самосознания, духовности, которые служат опорой для ее самосохранения. Вот почему родовые черты “материнской” культуры в северной русской традиции были сохранены в своей первозданной сути. Если в других землях русского государства происходило затухание, омертвление архаических традиций, то перенесенная на Север глубинная модель русской культуры продуктивно порождала все новые и новые “тексты” культуры, которые были подобны древнерусским образцам»²⁹.

С этим можно согласиться, проецируя сказанное на изменение роли Севера в жизни страны в XX в. В утрированном виде это можно представить как масштабную эксплуатацию государством тюремной и ресурсодобывающей функций Севера. Культурная ситуация здесь перестает быть «пороговой»; появляются города и поселки с новыми жителями, не поддерживающими образ жизни и традиции местного населения, т.к. они вынуждены, иногда насильственно (как в сталинских лагерях), быть привязанными к узкопрофессиональной деятельности. Зачеркивается ранее тщательно выстроенная и отвечавшая северному мировоззрению иерархия, шедшая от Города (Архангельска) через малые города к слободам, селам и деревням. Безобидные для поверхностного взгляда, но тревожные симптомы разрушения прежней структуры были отслежены в конце 1970-х гг. знатоком народной эстетики В.И. Беловым. Из сделанных им наблюдений следует, что наиболее заметное вытеснение основ крестьянской культуры приходится на 1930-е гг.³⁰ Используя синтетический взгляд на северную культуру (а другой, пожалуй, здесь не будет адекватно работать), писатель констатирует, что «строительная традиция, как и песенная, в настоящее время также прервана»³¹.

²⁶ *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 32.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: *Пермиловская А.Б.* Русский Север в пространстве культуры.

³⁰ *Белов В.И.* Лад: Очерки о народной эстетике. С. 250–254.

³¹ Там же. С. 261.

Из всего сказанного мы можем сделать вывод о том, что кардинальные стилевые изменения в искусстве не способствуют сохранению традиций, являющихся залогом успешного функционирования культурного наследия, а, значит, вынуждают общество к принятию искусственных мер по сохранению памятников. Особенно опасен для последних директивный характер смены стилей, вследствие которого население отчуждается от художественного творчества и постепенно привыкает считать «чужим» все не им созданное, в том числе и наследие предков—это подтверждается новейшей российской историей.

На примере России также хорошо видно, как постепенно сокращался ареал органической включенности архитектурного наследия в предметно-пространственную среду. Изначально он охватывал всю страну. С распространением в XVII в. каменного, а в XVIII в.—профессионального зодчества хранительницей традиций, заменявших собой искусственные меры по сохранению наследия, оставалась деревенская среда. Примерно с середины XIX в.—времени завершения ассимиляции крестьянским строительством стилевой архитектуры—рассматриваемый ареал сжался до северных губерний, но в XX в. урбанизационные процессы лишили и эту территорию прежней «привилегии».

Современное российское общество не консолидировано настолько, чтобы разные категории населения одинаково воспринимали наследие. Это—характерная проблема общества, не раз выведенного из состояния равновесия (особенно социальными экспериментами XX в.). В данной ситуации только наиболее исторически устойчивые структуры способны не просто сохранять наследие, но и использовать его как один из инструментов самоидентификации. Одной из таких структур видятся старообрядцы, сумевшие пережить гонения официальной Церкви, а позже—и Советской власти.

Следует ли переносить на все общество их опыт по сохранению наследия? Мы будем себя обманывать, если решим призывать к этому. Подобный подход к старине требует известной ортодоксальности, отказа от многих прогрессивных «завоеваний», к чему мы не готовы. Поэтому автор не пытается предлагать какие-либо рецепты по формированию «правильного» отношения к наследию, но уповает на дальнейшее целенаправленное совершенствование имеющегося механизма, в результате чего наконец-то начнет работать обратная связь. Пока же очевидно, что мы не способны поставить формируемую нами среду («вторую природу») вне времени, как это делают «первобытные» общества. Построив храм или дворец, совершенный в пропорциях и изысканный в украшениях, мы не сможем испытывать к нему такой же пиетет, как к более скромным, но древним аналогам. Следует ли считать это проявлением предвзятости?—Вопрос спорный, но он существует.

Список литературы

- Белов В.И.* Лад: Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
- Жидков В.С., Соколов К.Б.* Искусство и картина мира. СПб.: Алетейя, 2003. 464 с.
- Из архива Городецкого краеведческого музея // Городецкие чтения: материалы науч. конф. Городец: Городецкий историко-художественный музейный комплекс, 1995. С. 6–11.
- Изотов А.И.* Церковнославянский язык: Грамматика, упражнения, тексты: Учебное пособие. М.: Филоматис, 2014. 296 с.
- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Памятники архитектуры в структуре городов СССР. М.: Стройиздат, 1978. 208 с.

Пермиловская А.Б. Русский Север в пространстве культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 3. С. 121–124.

Подъяпольский С.С. По Сухоне и Северной Двине. М.: Искусство, 1968. 128 с.

Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004. 272 с.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. Т. 1. 528 с.

Хелли Р. Стоимость строительных материалов в Московском государстве XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М.: Наука, 1999. С. 233–248.

Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. 192 с.

Чекалов А.К. По реке Кокшеньге. М.: Искусство, 1973. 120 с.

Эстетические ценности предметно-пространственной среды. М.: Стройиздат, 1990. 335 с.

Charbonnier G. Entretiens avec Claude Lévi-Strauss. Paris: Plon—Julliard, 1961. 188 p.

References

Belov, V.I. *Lad: Ocherki o narodnoy estetike* [Lad: Essays on folk aesthetics]. Moscow: Molodaya Gvardia Press, 1982. 293 p. (in Rus.).

Charbonnier, G. *Entretiens avec Claude Lévi-Strauss*. Paris: Plon—Julliard, 1961. 188 p. (in French).

Chekalov, A.K. *Narodnaya derevyannaya skul'ptura Russkogo Severa* [A folk wooden sculpture of the Russian North]. Moscow: Iskusstvo Press, 1974. 192 p. (in Rus.).

Chekalov, A.K. *Po reke Kokshen'ge* [On the river Kokshenga]. Moscow: Iskusstvo Press, 1973. 120 p. (in Rus.).

Esteticheskiye tsennosti predmetno-prostranstvennoy sredy [Aesthetic values of the object-spatial environment]. Moscow: Stroiizdat Press, 1990. 335 p. (in Rus.).

Frazer, J.G. *Zolotaya vetv': Issledovaniye magii i religii* [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]: In 2 volumes. Moscow: TERRA—Knizhnyy klub Press, 2001. Vol. 1. 528 p. (in Rus.).

Helly, R. *Stoimost' stroitel'nykh materialov v Moskovskom gosudarstve XVII v.* [The cost of building materials in the Moscow state of XVII century], in *Kul'tura srednevekovoy Moskvy: XVII vek*. Moscow: Nauka Press, 1999. P. 233–248. (in Rus.).

Iz arkhiva Gorodetskogo krayevedcheskogo muzeya [From the Archive of the Gorodets Museum of Local Lore], in *Gorodetskiye chteniya: materialy nauch. konf.* Gorodets: Press of Gorodets State Art and Historical Museum Complex, 1995. P. 6–11. (in Rus.).

Izotov, A.I. *Tserkovnoslavyanskiy yazyk: Grammatika, uprazhneniya, teksty: Uchebnoye posobie* [Church Slavonic: Grammar, exercises, texts: Tutorial]. Moscow: Filomatis Press, 2014. 296 p. (in Rus.).

Levi-Strauss, C. *Pervobytnoye myshleniye* [The Savage Mind]. Moscow: Respublica Press, 1994. 384 p. (in Rus.).

Pamyatniki arkhitektury v strukture gorodov SSSR [Monuments of architecture in the structure of the cities of the USSR]. Moscow: Stroyizdat Press, 1978. 208 p. (in Rus.).

Permilovskaya A.B. *Russkiy Sever v prostranstve kul'tury* [Russian North in the space of culture], in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2011. Vol. 3. Pt. 3. P. 121–124. (in Rus.).

Podyapolsky, S.S. *Po Sukhone i Severnoy Dvine* [On Sukhona River and Northern Dvina]. Moscow: Iskusstvo Press, 1968. 128 p. (in Rus.).

Terebihin, N.M. *Metafizika Severa* [A Metaphysics of the North]. Arkhangelsk: Pomorskiy University Press, 2004. 272 p. (in Rus.).

Zhidkov, V.S., Sokolov, K.B. *Iskusstvo i kartina mira* [Art and picture of the world]. Saint-Petersburg: Aletheia Press, 2003. 464 p. (in Rus.).